

Посвящается Херонимо Молина Кано

Карл Шмитт для России

Исследования Шмитта растут подобно приливу: сегодня они проводятся повсюду. В момент, когда Карл Шмитт умер, ему было посвящено не более 60 книг. А сегодня их больше 450. В наше время в мире каждый месяц выходит две-три книги о Шмитте. В то же время по миру распространяются его переводы. Полное собрание сочинений Шмитта публикуется сейчас даже в Пекине. А за последние годы один за другим прошло несколько международных коллоквиумов, посвященных его жизни и творчеству, – в Лос-Анджелесе, Бело Горизонте (Бразилия), Бейра-Интеритор (Португалия), Варшаве, Буэнос-Айресе, Флоренции, Кракове, Уберландии (Бразилия) и т.д.

В России работы Шмитта переводятся уже не меньше десяти лет, и особенно большой вклад в это дело внесли Александр Фридрихович Филиппов и Юрий Коринец. В 2000 г. были переведены «Политическая теология» (1922), «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма» (1923) и «Римский католицизм и политическая форма» (1923); «Диктатура» (1921) – в 2005 г.; «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса» (1938) – в 2006 г.; «Теория партизана» (1963) – в 2007 г.; «Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил» (1939), «Земля и море» (1942) и «Номос земли» (1950) – в 2008 г. Также на русском языке доступны объемные выдержки из «Понятия политического» (1932). Остается перевести, если говорить об

основных произведениях, «Учение о конституции» (1928), «Легальность и легитимность» (1932), а также вторую «Политическую теологию» (1970).

Поэтому не будет преувеличением сказать, что Карл Шмитт вновь стал крайне актуальным. Но как объяснить его актуальность?

Прежде всего, она объясняется не чем иным, как актуальностью, то есть тем, что мысль Шмитта предлагает нам систему анализа и интерпретации, применимость которой снова и снова подтверждается на материале некоторых событий и некоторых тревожных тенденций современного мира. В этом отношении три сюжета привлекли особое внимание исследователей: распространение терроризма, введение законов об исключительном положении, упрощающем борьбу с терроризмом, и, наконец, развитие войны, отражающее это радикальное преобразование международного права.

В своей «Теории партизана» (1963) Шмитт обратился к фигуре нерегулярного бойца, который противопоставляет легальности публичной власти новые формы борьбы, которые в данных обстоятельствах считаются легитимными. Партизанская война, которую когда-то называли «малой войной», не прекращала свое развитие с XIX века, когда в Германии и Испании формировалось народное сопротивление войскам Наполеона. В эпоху деколонизации распространились герильи. Но сегодня эти асимметричные войны стали всеобщим явлением. Главные фигуранты конфликтов, развертывающихся сегодня в мире, – это уже не только государства, но и инфра- или пара-государственные образования, члены которых не носят униформы. И хотя государства всегда обличали партизан, на-

зывая их «террористами», сегодня именно террористы продолжают традиции партизан.

Различие между старыми и новыми партизанами связано с глобализацией. Терроризм также детерриториализировался. Карл Шмитт приписывал партизанам «теллурический» характер, который сегодня не обязательно связан с террористами. Последние сегодня зачастую уже не действуют в границах одного-единственного государства. Напротив, «планетарный терроризм» переходит из одной страны в другую: его полем действия стала вся Земля. Но в остальном террорист выказывает все те качества, что закреплялись Шмиттом за партизаном: нерегулярность, сильнейшую политическую ангажированность, обостренное чувство легитимности, радикальным образом противостоящей легальности, рассматриваемой в качестве несправедливости или учрежденного беспорядка. «В случае современного партизана, – писал Шмитт, – обе пары противоположностей (регулярно-нерегулярно, легально-нелегально) большей частью стираются и пересекаются».

«В дьявольском круге террора и антитеррора, – замечал он также, – подавление партизана часто является только отражением самой партизанской борьбы». Столкнувшись с нерегулярностью, государства и в самом деле вынуждены усвоить методы нерегулярной борьбы. Они должны пойти против своих законов, вводя чрезвычайные меры, например те, что были задействованы в США после терактов 11 сентября 2001 года (*Patriot Act*, создание лагеря в Гуантанамо, и т. д.).

Нам, конечно, известно, что в мысли Шмитта фундаментальную роль играет исключительное положение (или чрезвычайная ситуация). Исклю-

чительное положение, по Шмитту, является политическим эквивалентом чуда в теологии – внезапным событием, которое нарушает «естественные законы». Шмитт упрекает либеральных конституционалистов и сторонников юридического позитивизма в том, что они считают, будто политическая жизнь страны является вопросом лишь норм и правил, определенных Конституцией, и не понимают, что заранее определенные нормы не могут применяться к исключительному положению, по природе своей непредвиденному. Исключение невозможно предвидеть, как и средства, которые нужно будет использовать в исключительном случае. Только суверенная власть может их применить. Суверен – это тот, кто решает в исключительном положении (и о нем самом). И наоборот, если знаешь, кто принимает решения в исключительном положении, значит уже знаешь, где место суверенности.

Но, вопреки утверждениям, на которые сподобились некоторые авторы, это не означает, что Карл Шмитт является «отцом» исключительных мер, которые в западных странах тяготеют к ограничению публичных свобод и выстраиванию общества всеобщего надзора под предлогом борьбы с терроризмом. Действительно, исключение по определению должно быть исключительным, но сегодня о нем это можно сказать все меньше.

Развитие войны и международного права – другой сюжет размышлений. «Гуманитарные войны» позволяют нам сегодня понять, что войны превращаются в полицейские операции, нарушающие суверенитет государств. Карл Шмитт в точности предугадал то, как постепенно стираются все традиционные различия между тылом и фронтом,

бойцами и гражданскими лицами, регулярными войсками и нерегулярными, полицией и армией, внутренними делами и внешними. В конечном счете, в нашу эпоху, когда «горячий мир» пришел на смену «холодной войне», исчезает и сама граница между войной и миром: когда пушки умолкают, война продолжается средствами пропаганды и «переобучения». Таким образом, теряется из виду то, что целью войны является мир.

Работы Карла Шмитта, в частности «Поворот к дискриминационному понятию войны» (1938), позволяют понять то, что «гуманитарные войны», являющиеся дискриминационными, в значительной мере соответствуют возврату к «справедливой войне», как ее понимали средневековые теологи.

Определяя отношения между государствами, старое право народов (*ius publicum europaeum*), которое благодаря Вестфальскому договору положило конец религиозным войнам, трактовало войну в том смысле, что каждый ее участник имел основания отстаивать свое право: *justus hostis* (справедливый, то есть законный враг), а не *justa causa* (справедливое дело). Именно это позволяло удерживать войну в определенных границах, отсюда и значимость *jus in bello* (права на войне). Дискриминационная война, воскрешающая «справедливую войну» Средних Веков, – это война, на которой *jus ad bellum* (право на войну) берет, напротив, верх над *jus in bello*. Враг отныне – не противник, который в других обстоятельствах мог бы быть и союзником. Теперь это абсолютный враг. Представляемый дьяволом, преступником, олицетворением Зла, он воспринимается в качестве врага человеческого

рода, с которым нужно не только сражаться – его необходимо уничтожить. В таком случае против него можно использовать любые средства – экономические санкции, бомбежки мирного населения и т. д., поскольку речь более не о том, чтобы вести с ним мирные переговоры, ведь допускается лишь безоговорочная капитуляция. Шмитт показывает, что идеологические и «гуманитарные» войны современности, дисквалифицирующие врага на моральном основании и не рассматривающие его в качестве противника, с которым воюют, предполагая при этом, что у него могут быть свои резоны, переняли эстафету у религиозных войн. Они отличаются той же безжалостностью и тотальностью.

Желая разработать новую теорию международного права, понимаемую в качестве «конкретного порядка», Шмитт в то же время понимал, что невозможно восстановить старое *jus publicum europaeum*: в небытие ушел сам международный евроцентричный порядок, построенный на чисто государственных основаниях. Именно по этой причине он выступил за «опространствование» политических распрей, поддержав старый принцип «*cujus regio, ejus religio*» («чья земля, того и вера»). Отсюда его теория «*Großraum*» (большого пространства), заявленная уже в 1938 году – затем её будут яростно критиковать идеологи СС, особенно Вернер Бест и Райнхард Хён. Европа, как утверждал он, должна организоваться в виде большого пространства, чей естественный геополитический центр составляет немецкая империя, и выработать нечто равнозначное американской Доктрине Монро, в соответствии с которой США с 1823 года запрещают присутствие любых иностранных военных сил в северо- и южноамериканском пространстве. Шмитт

выступал за «плюриверсум», то есть многополярный мир, а не «универсум», мир, объединенный под властью одной-единственной сверхдержавы. И эта альтернатива сегодня тоже как никогда актуальна.

Свою наивысшую форму эти взгляды обрели в великой книге, опубликованной в 1950 году, – в «Номосе земли в прав народов *Jus Publicum Europaeum*», в которой Шмитт задается вопросом о новом мировом порядке, который должен сложиться после распада ялтинской системы, в 1945 году пришедшей на смену вестфальской системе и евроцентричному порядку государств, учрежденному открытием Нового Света.

Однако некоторые авторы полагают, что в работах Шмитта можно найти и другие весьма актуальные наблюдения. Для определенного числа «левых шмиттеанцев», таких как Данило Дзоло, Шанталь Муфф, Гопал Балакришнан и многие другие, главная заслуга Шмитта в демонстрации того, что само понятие «либеральной демократии» является оксюмором. Карл Шмитт, враждебно относившийся к парламентской либеральной демократии, которую он, подобно Доносо Кортесу, сводит к «вечным преиям», противопоставляет либерализм демократии, чем в определенной степени повторяет жест Руссо, особенно в том, как последний критиковал представительство. «Чем более демократия представительна, – писал он в своем категоричном тоне, – тем менее она демократична» («Духовно-историческое состояние современного парламентаризма», 1923). Представительство, будучи по природе своей олигархическим, в действительности, отчуждает суверенность народа. Шмитт же выступает за демократию плебисцитарного типа, то есть за прямую демо-

кратию участия. По его словам, в демократическом обществе решения правителей должны выражать волю управляемых. Именно такое отождествление является отличительным признаком демократии. Голосование (или «одобрение») – не более, чем средство ее проверки. С другой стороны, демократический принцип – это не свобода, а равенство: граждане могут обладать разными способностями, но в качестве граждан они политически равны.

Другие же считают, и не без оснований, что противопоставление Карлом Шмиттом Земли и Моря может помочь в понимании глубинной природы эпохи постмодерна, которую Зигмунд Бауман определил как «жидкую современность». В 1942 году в своей небольшой книге «Земля и море» Шмитт и в самом деле разработал диалектику теллурического и морского, выводы которой весьма многозначительны. Политика предполагает границу, то есть она относится к Земле. Тогда как Море не знает границ, ему известны потоки и течения. Оно относится к торговле и экономике. Теллурическая логика и морская логика обнаруживаются в геополитике – в секулярных столкновениях океанских держав (вчера это была Великобритания, а сегодня – США) и континентальных (Европа и Россия).

Наконец, важно подчеркнуть, что различие друга и врага, являющееся подлинным лейтмотивом мысли Шмитта, отсылает не только к возможной угрозе. Оно является тем, что конкретно учреждает политическое существование народа. Народ предполагает наличие содержательной идентичности, разделяемой таким образом, что члены политического сообщества должны ощущать, что в случае необходимости они будут готовы сражаться и умереть за

сохранение бытия этого народа. То есть гражданское и политическое сообщество должны совпадать. Начало Конституций покоится не в общественном договоре, а в воле народа, существующего в качестве политического сообщества, желающего выступить учреждающей властью, чтобы определить конкретную форму своего коллективного существования.

Несмотря на критику, которой Карл Шмитт, конечно, продолжает подвергаться, именно по всем этим причинам, которые мы здесь кратко перечислили, он по праву остается тем, кого многие большие умы из самых разных сфер знания считают «последним великим классиком» (слова Бернарда Вильмса), равным Макиавелли, Гоббсу, Локку и Руссо.

Ален де Бенуа

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы было опубликовано много работ, посвященных реальному или предположительному влиянию американского философа немецкого происхождения Лео Штрауса (1899-1973 гг.) на американские «неоконсервативные» круги¹. Согласно часто озвучиваемому мнению, именно благодаря знакомству с произведениями Штрауса и их чтению большинство неоконсерваторов убедились в превосходстве демократии, которая, с их точки зрения, мало чем отличается от капиталистической системы, в «универсальной» значимости отстаиваемых ими принципов, а также в необходимости их распространения по всему миру –

¹ См., в частности: Shadia B. Drury, *Leo Strauss and the American Right*, St. Martin's Press, New York, 1997 (2 ed.: MacMillan, New York, 1999). Работы того же автора: *Political Ideas of Leo Strauss*, MacMillan, London, 1998; «Leo Strauss et i neocoservatori» // *Iride*, Bologna, XVII, 42, май-август 2004, pp. 291-301; «La sponda Americana: un modello politico? Sterminare il nemico. Leo Strauss e Carl Schmitt» // *Il Ponte*, 2005, 2-3, p. 103-117. Однако лучшим исследованием влияния Штрауса в США остается сборник Кеннет Л. Дойч и Джона А. Мерли: Kenneth L. Deutsch, John A. Merley (ed.), *Leo Strauss, the Straussians, and the American Regime*, Rowman & Littlefield, 1999. Тезис о влиянии Лео Штрауса на неоконсерваторов был также недавно подхвачен Анн Нортон, которая излагает его в более общем и даже упрощенном виде: Ann Norton, *Leo Strauss and the Politics of American Empire*, Yale University Press, New Haven, 2004 (французский перевод: *Leo Strauss et la politique de l'empire américain*, Denoël, Paris, 2006). См. также: Benjamin Barber, «Among the Straussians» // *New York Review of Books*, New York, 14 апреля 1988; Alfons Söllner, «Leo Strauss. German Origin and American Impact» // Peter Kielmansegg, Horst Mewes, Elisabeth Glaser-Schmidt (ed.), *Hannah Arendt and Leo Strauss*, Cambridge, 1995, pp. 121-137; William Pfaff, «The Long Reach of Leo Strauss» // *International Herald Tribune*, New York, 25 мая 2003. Взвешенную оценку см. в статье Эдварда Скидельски: Edward Skidelsky, «No More Heroes» // *Prospect*, London, март 2006, pp. 34-37.

если понадобится, то и силой. Так, Ален Франшон и Даниэль Верне указывают, что «передаваясь по наследству или через тонкие капилляры влияния [...], философия Штрауса послужила неоконсерватизму теоретическим субстратом»². Предполагается, что мысль Штрауса стала «фоном» для деятельности сторонников Джорджа Буша-младшего. Доказательством этому выступает критика релятивизма, утвердившаяся в его окружении, частое использование им моральной терминологии, упор на «ценности» и т.д.

Считается, что это влияние сказалось – при посредничестве, в частности, таких персон, как Аллен Блум, Харви Мансфилд, Генри Джаффа или Альберт Уолслеттер, – на Поле Д. Вольфовице, Уильяме Кристоле, Роберте Кагане и Дональде Рамсфелде (все они – члены «Project for the New America Century», «Проекта “За новый американский век”»), а также на таких разных людях, как Уильям Беннетт, Элиот Абрамс, Ричард Перл, Майкл Новак, Норман Подгорец, Дик Чейни, Майкл Ледин, Чарльз Краутхаммер, Гэри Шмитт, Залмай Хализад, Ален Кэйес, Фрэнсис Фукуяма, Джон Эшкрофт, Сэмюэль Хантингтон, Кларенс Томас, Роберт Борк, Леон Касс, Харви Мансфилд, Льюис Либби и т.д. Также указывают на «штраусианские» фонды, например «Lynde» и «Harry Bradley Foundation».

На интеллектуальное родство между Лео Штраусом и основными представителями или сторонниками современного американского правительства иногда ссылались и отдельные неоконсерваторы³.

² Alain Franchon, Daniel Vernet, «Le stratège et le philosophe» // *Le Monde*, Paris, 16 апреля 2003. См. также: Heinrich August Winkler, «Wenn die Macht Recht spricht» // *Die Zeit*, 18 июня 2003 г.

³ См.: Carnes Lord, «Thoughts on Strauss and Our Present Discontents» // Kenneth L. Deutsch, John A. Merley (ed.), *Leo Strauss, the Straussians*,

Но в то же время оно оспаривалось, и не только потому, что Лео Штрауса, конечно, нельзя считать ответственным за политику, проводимую некоторыми из его учеников и читателей, тем более, что в любом случае никто не может сказать, как он сам бы отнесся к сегодняшнему курсу Белого дома, но и потому, что его политическая мысль, по природе своей философская, по многим основным вопросам заметно отличается от неоконсервативной идеологии⁴. Дочь

and the American Regime, Rowman & Littlefield, op.cit.; Steven Lenzner, William Kristol, «What Was Leo Strauss Up To?» // *The Public Interest*, Washington, осень 2003.

⁴ См., в частности, анализ Кэрол Уайльдмайер: Carol Wildmaier, «Leo Strauss est-il néoconservateur? L'épreuve des textes» // *Esprit*, Paris, ноябрь 2003, pp. 23-38. Уайльдмайер ставит под вопрос то, что мысль Штрауса можно было бы уподобить некоей политической теории или что она является мыслью определенной культуры (например культуры американской демократии). По ее словам, штраусианская этика – «это этика не политики, а мысли», то есть, если говорить точнее, строго философской мысли. Подчеркивая заодно то, что неоконсерваторы употребляют термин «ценности» совершенно не так, как Лео Штраусс, она утверждает, что «окрашенные в оптимистические тона мессианизм неоконсерваторов в мысли Штрауса совершенно отсутствует», а «выделение “оси Зла” является по своему смыслу, что бы мы ни думали, абсолютно анти-штраусианским жестом». Она приходит к выводу, что «неоконсервативная интерпретация идей Штрауса вообще не является интерпретацией: речь идет ни больше ни меньше как о предательстве» (р. 36), поскольку «предметом Штрауса является не политика, а философия» (р. 38). См. также: Laurence Berns, «Correcting the Record on Leo Strauss» // *Political Science and Politics*, XXVIII, 4, декабрь 2003, pp. 54-57; Thomas G. West, «Que dirait Léo Strauss de la politique étrangère américaine?» // *Commentaire*, Paris, весна 2004, pp. 71-78; Marc Lilla, «Leo Strauss: The European» // *The New York Review of Books*, New York, 21 октября 2004, pp. 58-60: в этой статье Марк Лилла утверждает, что в окружении Джорджа Буша-младшего меньше «штраусианцев», чем их было в администрации Рональда Рейгана и Джорджа Буша-старшего. Стоит посмотреть и две других сравнительно недавних оценки: Heinrich Meier, «Pourquoi Leo Strauss? Heurs et malheurs de l'école pour la vie philosophique» // *Commentaire*, лето 2006, pp. 307-331; и особенно: Daniel Tanguay, «Néoconservatisme et religion démocratique. Leo Strauss et l'Amérique» // *ibid.*, pp. 315-324. Последний автор пишет: «Неправильно было бы считать, будто темы Штрауса были безо всяких изменений перенесены в политический неоконсервативный дискурс. Их политическая адаптация была сложной задачей,

Штрауса решительно отвергает идею, будто ее отец мог когда-либо быть «мозгом неоконсервативных идеологов, которые контролируют внешнюю политику США»⁵. Лео Штраус, философ, известный своим антиисторицизмом⁶, в своих книгах никогда не обращался к международным вопросам, да и вообще редко высказывался по актуальным темам. Впрочем, наша цель не в разрешении этого вопроса. Скорее мы хотим оценить то, как начиная с 2003 года развивалась полемика, в которой в контексте обсуждения деятельности неоконсерваторов были тесно связаны имена Лео Штрауса и Карла Шмитта.

Эта полемика, поводом для которой послужила тридцатилетняя годовщина смерти Лео Штрауса, была, по существу, направлена на дискредитацию неоконсервативных кругов, учителем которых якобы как раз и является Штраус, который, как утверждалось, поддерживал взгляды, автором которых считается Шмитт. Общая идея заключалась в том, что Шмитт является «нацистским» мыслителем, а Штраус, как подельник Шмитта, идя по его стопам, распространял те же самые «нацистские» идеи в Америке, тогда как окружение Джорджа Буша, на которое повлияла мысль Штрауса, связывается, таким образом, через его посредство с идея-

потребовавшей существенно перекроить эти темы, что в отдельных случаях привело к искажению их исходного смысла» (р. 317). «Чрезмерная политизация Штрауса его американскими учениками и неоконсерваторами, – добавляет он, – грозит скрыть направление движения мысли Штрауса» (р. 322).

⁵ Jenny Strauss Clay, «The Real Leo Strauss» // *The New York Times*, New York, 7 июня 2003.

⁶ Обсуждение антиисторицизма Штрауса см. в: Claes G. Ryn, «History and the Moral Order» // Francis Canavan (ed.), *The Ethical Dimension of Political Life*, Duke University Press, Durham, 1983; Paul Gottfried, *The Search for Historical Meaning*, Northern Illinois University Press, DeKalb, 1986.

ми Шмитта, то есть с нацизмом. Этот карикатурный тезис часто сопровождался чуть ли не конспиративным изображением мысли Штрауса, которая, утверждалось, приводится в движение «эзотерическими» соображениями и вдохновляется стратегиями, нацеленными на то, чтобы поставить рядом с властью более или менее циничных «советников-философов», преследующих тайные цели. Таким образом, Лео Штрауса можно было обвинить в том, что он рекомендует политикам использовать ложь и двуличие, полагая, что истина должна быть доступна только элите, что позволило разоблачить его как «фашиста» (Глен Йеден). В любом случае, речь шла о том, чтобы применить некоторые формы критики, мишенью которой по причине своего компромисса с нацистским режимом (1933-1936 гг.) стал Шмитт, чтобы дискредитировать Лео Штрауса, а через него – и всех его предполагаемых учеников, поскольку всех их теперь можно подозревать в «нацистских» мнениях или практиках.

Этот тезис сначала получил выражение в широкой прессе благодаря нескольким независимым друг от друга авторам⁷, а затем стал развиваться систематически, послужив основанием для еще более острой полемики в кругах, близких к весьма спорной личности – Линдону Б. Ларушу⁸. Затем его

⁷ См.: James Atlas, «A Classicist's Legacy: New Empire Builders» // *The New York Times*, New York, 4 мая 2003; Seymour Hersh, «Selective Intelligence» // *The New Yorker*, New York, 12 мая 2003. См. также три статьи, появившиеся несколькими годами раньше: Hiram Catton, «Explaining the Nazis. Leo Strauss Today» // *Quadrant*, октябрь 1986, pp. 61-65; Jacob Weisberg, «The Cult of Leo Strauss. An Obscure Philosopher's Washington Disciple» // *Newsweek*, 3 августа 1987; Brent Staples, «Undemocratic Vistas: The Sinister Vogue of Leo Strauss» // *The New York Times*, 28 ноября 1994.

⁸ Чтобы успешнее «нацифицировать» американские неоконсервативные круги (применяя тот самый метод, который Лео Штраус

можно было встретить в самых разных контекстах. Особенно примечательна статья бывшего декана факультета политических наук «New School for Social Research» Алена Вольфа «Фашистский философ помогает нам понять современную политику» («A Fascist Philosopher Help Us Understand Contemporary Politics»), вышедшую в 2004 году в издании «The Chronicle of Higher Education». Вольф пишет о том, что для понимания современной политики республиканской партии нужно знать не только Лео Штрауса, но и Карла Шмитта. В статье с удивлением отмечается интерес, проявляемый к мысли Шмит-

называл «*reductio ad hitlerum*», «редукцией к Гитлеру»), сторонники Ларуша не брезговали самыми экстравагантными заявлениями, выбирая порой не просто оскорбительные, но и прямо бредовые выражения. Так, Барбара Бойд в тексте под названием «Карл Шмитт, серый кардинал Дика Чейни» (Barbara Boyd, «Carl Schmitt, Dick Cheney's Eminence Grise» // *Executive Intelligence Review*, 6 января 2006) представляет Карла Шмитта как теоретика «абсолютного врага» и автора книг, продвижение которых было якобы организовано «бандой банкиров-заговорщиков». Она утверждает, что «тесные отношения между Карлом Шмиттом и Лео Штраусом [...] наводят на ту мысль, что поддержка Диком Чейни *Führerprinzip*'а – не совпадение» (sic), а «произведения Шмитта оказались весьма полезными для грязной работы, проведенной в 1970 годах Джорджем Шульцем и Генри Киссинджером, свергнувшими правительство Альенде в Чили!» В другом тексте, опубликованном несколькими месяцами ранее («Leo Strauss y Carl Schmitt, el jurista de Hitler» // *EIR - Resumen ejecutivo*, март 2005), она вполне серьезно утверждала, что работы Шмитта «в значительной степени финансировались на международном уровне штраусианцами Фонда Линда и Гарри Брэдли». Называя Карла Шмитта одновременно «интеллектуальным крестным отцом Штрауса» и «Ганнибалом Лектером современной политики» (sic), она дошла до того, чтобы характеризовать Александра Кожева в качестве «идеолога всемирного фашизма». Первый текст Барбары Бойд был перепечатан в брошюре, опубликованной в январе 2006 года (и нацеленной на то, чтобы оспорить назначение Сэмюэля Алито в Верховный суд): *Cheney's «Schmittlerian» Drive for Dictatorship. Children of Satan IV*, Lyndon LaRouche PAC, Leesburg, 2006. В своем издании «Executive Intelligence Review» Линдон Б. Ларуш сам утверждает, что Дик Чейни и Пол Вольфовиц – «фашисты», а «Штраус с Кожевым открыто защищали ту же фашистскую философию, что и Карл Шмитт, учитель Штрауса», и т.д.

та многими современными авторами, причисляемыми к левым. Затем он заверяет нас в том, что в США «гораздо больше пропитались шмиттовской концепцией консервативные политики, а не либералы», а «шмиттовский способ мыслить политику покорила современный *Zeitgeist*, в лоне которого расцвел республиканский консерватизм»⁹.

Ссылаясь, со своей стороны, на комментарии к книге Карла Шмитта «Понятие политического», составленные Лео Штраусом в начале тридцатых годов, Анн Нортон пишет: «Штраус – более чем благожелательный читатель “Понятия политического”. Как полагал сам Шмитт, Штраус понял эту книгу лучше всех остальных, возможно даже лучше, чем ее понимал сам автор. В своей работе последний впоследствии использовал интерпретации этой книги, предложенные Штраусом. А Штраус включит отдельные составляющие работы Шмитта в собственную критику либерализма»¹⁰. Шадиа Б. Друри также представляет Лео Штрауса в качестве того, кто якобы «радикализовал» (sic!) тезисы Шмитта¹¹. Себастьян Фат, рассуждая о Лео Штраусе, также упоминает «его профессора и единомышленника Карла Шмитта»¹². Стэнфорд В. Левинсон, профессор Университета Техаса уверяет, что Карл Шмитт – подлинный вдохновитель полити-

⁹ *The Chronicle of Higher Education*, Washington, 2 апреля 2004.

¹⁰ *Leo Strauss et la politique de l'empire américain*, op. cit., pp. 49-50. Критику книги Анн Нортон см. в: Peter Berkowitz, *New York Post Online Edition*, 3 октября 2004. Как и многие другие авторы, Берковиц нашел в этой книге много фактических ошибок. Она также подчеркивает ее поверхностность и неспособность автора доказать выдвигаемые тезисы.

¹¹ *Leo Strauss and the American Right*, op. cit., pp. 65-97 («Strauss's German Connection: Schmitt und Heidegger»).

¹² Sébastien Fath, *Dieu bénisse l'Amérique. La religion de la Maison-Blanche*, Seuil, Paris, 2004, p. 206.

ки администрации Буша¹³. Можно было бы привести множество других примеров.

Все эти утверждения, наводящие на мысль, что Шмитт и Штраус, по сути, думали совершенно одинаково, так что Шмитт сегодня – это «тайный учитель» Белого дома, стремятся лишь перещеголять друг друга в броскости и одновременно неправдоподобии. Их озвучивают авторы, которые подчас знакомы с мыслью Штрауса весьма и весьма поверхностно, а мысль Шмитта, похоже, не знают вовсе¹⁴. Прежде всего, ничто не доказывает, что произведения Шмитта когда-либо действительно читались в американских неоконсервативных кругах¹⁵. Ален

¹³ *Daedalus*, лето 2004.

¹⁴ Себастьян Фат не без оснований пишет, что «президент Буш-мл. сам, вероятно, не прочел ни строчки из Штрауса» (op.cit., p. 219). Не слишком боясь ошибиться, можно предположить, что он также не прочел ни одной строчки Карла Шмитта. Питер Серк, в свою очередь отмечает, что было бы явной ошибкой предполагать, что, «если кто-то приводит аргументы, аналогичные шмиттовским, значит Шмитт на него оказал влияние напрямую или косвенно, пусть даже какими-то сложными, неявными или заговорщицкими путями» (Peter Sirk, *Carl Schmitt, Crown jurist of the Third Reich. On Preemptive War, Military Occupation, and World Empire*, Edwin Mellen Press, Lewiston, 2005, p. 35). К тем же выводам приходит Шанталь Муфф (Chantal Mouffe, *One the Political*, Routledge, Abingdon, 2005, pp. 77-80). См. также: Linda S. Bishai, Andreas Behnke, *War, Violence, and the Displacement of Political*, Townson University, Townson [Maryland], 2005; James O'Connor, *Exceptions, Distinctions, and Processes of Identification: The "Concrete Thought" of Carl Schmitt and US Neoliberalism as Seen through Readings of Kenneth Burke and Jacques Derrida*, диссертация, Helsinki University, Helsinki, 2006.

¹⁵ Напомним, что работы Карла Шмитта были переведены на английский сравнительно недавно. Вот список в хронологическом порядке: *The Concept of the Political*, Rutgers University Press, New Brunswick, 1976 (2 ed.: University of Chicago Press, Chicago, 1996); *Political Theology. Four Chapters on the Concept of Sovereignty*, MIT Press, Cambridge, 1985 (2 ed.: University of Chicago Press, Chicago, 2005); *The Crisis of Parliamentary Democracy*, MIT Press, Cambridge, 1985; *Political Romanticism*, MIT Press, Cambridge, 1986; «The Plight of European Jurisprudence» // *Telos*, New York, 83, лето 1990, pp. 35-70; *The Leviathan in the State of Thomas Hobbes. Meaning and Failure of a Political Symbol*, Greenwood Press, Westport, 1996; *Roman Catholicism and Political Form*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине «Электронный универс»

(e-Univers.ru)